

## Глава 90: Патриот!

Все в зале были ошеломлены. Никто не понимал, что происходит. Ранее старый мастер уже был раздражен. Подумать только, что он спокойно попросил Ван Чуна предоставить великий меч!

Во всем зале Кузен Ван Ли был первым, кто отреагировал. Он смог смутно понять что-то, и размышление отобразилось на его лице.

Старший дядя Ван Гэнь случайно увидел выражение лица сына и вздохнул. В его глазах плавали сложные эмоции.

«О, на мече есть слова?»

В тот момент, когда старый мастер развернул черную ткань, которой был обернут меч, на ручке появилось несколько древних слов. Его интерес был немедленно вызван.

«Да, этот внук дал мечу имя».

Ответил Ван Чун с опущенной головой.

«Патриот!»

Достав «великий меч» из черной ткани, старый мастер увидел, что на нем не было ни красивых агатов, ни драгоценных камней. Весь «великий меч» был черным. Простым и практичным.

И слово на ножнах заставило глаза старого мастера мерцать:

□Патриот □

«Имя этого меча Патриот!»

В тот же момент в комнате раздался голос Ван Чуна.

«Чун, как ты можешь давать такое имя? Дед - высокопоставленный министр королевского двора, и он внес большой вклад в него. Он был тем, кто стабилизировал и заложил фундамент для страны, и даже Его Величество высоко ценит его. Как простое слово типа «Патриот» может охватить его достоинства? Разве ты не слишком легкомыслен со своим мечом?»

Перед тем, как старый мастер мог что-то сказать, Старший Дядя Ван Гэнь увидел это слово на ножнах меча и нахмурился. Предыдущее выступление Ван Чуна оставило его впечатленным, и можно было видеть, что он приложил к нему немало усилий.

Однако усилия Ван Чуна, казалось, сейчас рушились.

Отец Ван Гэня был уважаемым служащим Великой Империи Тан, и единственным, кто мог сравниться с ним, был Старый Мастер Яо из Клана Яо. Используя слово «Патриот», Ван Чун сильно недооценивал вклад и положение деда в Империи Великого Тана.

В конце концов, Ван Чун был всего лишь пятнадцатилетним ребенком. Он мог быть способным в других аспектах, но ему все еще не хватало опыта в политике.

«Старший дядя, ты ошибаешься! Племянник не пытался охватить вклад деда через этот меч, но выразить чувства в сердце деда!»

Стоя на коленях на полу, Ван Чун повернулся к своему деду:

«Беспокойство императора - унижение подчиненного, а унижение императора - кончина для подчиненного». Если император беспокоится о делах нации, подчиненный воспримет это как унижение. Если император унижен, подчиненные умрут, чтобы загладить свою вину! Таким образом, во времена Западной Хань, когда был убит наследный принц Лай Дань, Чан Хуэй невзирая на опасность, направился в Западные Регионы, чтобы уничтожить Кучу. Это был патриот!»

(Западный Хань, 77 до н.э.)

«Когда Гу Цзи был убит, Чэнь Тан написал отчет императору: «Те, кто осмелится запятнать сильного Хана, будут уничтожены, как бы далеко они ни были», и уничтожил Чжичжи Чаньюй. Это был патриот!»

(Западный Хань и Сюнну, 36 до н.э.)

«В эпоху Императора Мин Восточного Хань Бань Чао было приказано возглавить армию в Западных Регионах, и в округе Шаньшань он встретился с посланником Сюнну. Войска Сюнну были мощными, и их защита была невероятной. Бань Чао сказал, что «невозможно получить детеныша, не входя в логово льва», и привел 72 солдат Хань, чтобы убить Сюнну, таким образом, исключив их из Тарима Басинь. Это был патриот!»

(Восточный Хань, 28-75 н.э.)

«Если каждый был бы патриотом, дедушке не приходилось бы заниматься всем этим, несмотря на то, что он ушел на пенсию. Его Величеству не пришлось бы строить это Посольство Четыре Квартала, и нашему Великому Тану не пришлось бы беспокоиться о сохранении его процветания!»

Ван Чун на коленях стоял на полу.

Хотя эти слова были адресованы его деду, эти слова также отправили Ван Чуна в размышление.

Ван Чун никогда не мог понять своего дедушку до тех пор, пока много лет спустя в будущем он не был назначен главнокомандующим Центральными Равнинами в тяжелые времена. Тогда он, наконец, понял мысли своего деда!

Только когда кто-то был в том же положении, он понял бы ответственность, которая приходила с ним!

Тогда Ван Чун, наконец, понял, что, в нем больше не было мыслей о личной выгоде, а лишь мысли о процветании всей империи.

В его предыдущей жизни Центральные Равнины встретили трагическое бедствие. К тому времени, когда Ван Чун захватил власть, Великий Тан уже был разделен на небольшие фрагменты. Ван Чун приложил все свои силы, но, увы, он был один. Несмотря на то, что в течение нескольких десятилетий он вел войну, Ван Чун все еще не мог предотвратить окончательную гибель Центральных Равнин.

Это было самым большим сожалением в сердце Ван Чуна, будь то в этой или в предыдущей жизни!

Бесчисленные ночи в прошлом он размышлял о тяжелой ответственности, которую должен был взять на себя.

Когда он был один и больше не мог упорствовать, Ван Чун подумал, что если бы все в мире стояли бы рядом с ним и работали вместе, это было бы замечательно!

Если бы все были патриотами, как и Ван Чун, он не потерпел бы трагического поражения, а Центральные Равнины не пали бы.

Если бы все были патриотами, все было бы по-другому.

Просто Ван Чун не мог сказать это вслух. Он мог только использовать день рождения бабушки, чтобы выразить эти мысли. В этом мире он, вероятно, был единственным, кто понял бабушку, но бабушка ... может и не понять его!

Первоначально все были смущены тем, что говорил Ван Чун. Однако, когда Ван Чун произнес свое последнее слово, все лица сразу стали взволнованными.

«Хахаха! Отлично, отлично, отлично! Чун-эр, хорошо сказал! Хорошо сказано! ...»

Старый мастер все еще был безразличен к словам Ван Чуна в начале, но в этот момент, держа меч Ван Чуна, он не мог не рассмеяться от души.

«Подумать, что я, Ван Цзю Лин, найду родственника в моем внуке, это действительно радует! Гэнь-эр, ты не понимаешь. Никто из вас не понимает. Возможно, во всем мире только Чун-эр понимает!»

Старший дядя Ван Гэнь был удивлен. Старый мастер был строгим, и он редко улыбался. Ван Гэнь первый раз видел, чтобы старый мастер смеялся так счастливо.

«Кроме того, Гэнь-эр, есть кое-что, о чем вы сказали неправильно. «Слова Цзо: Герцога Чэн Лу, в 16 лет»: «Если придет день, когда появятся многие патриоты, они станут непреодолимой силой. Слова Чун-эр не принижают меня. Напротив, это лучший комплимент, который он мог бы предложить мне. - Чун-эр, встань! Я приму этот Меч Патриот!»

Старый мастер встал со своего места, среди изумленных взглядов всех, наклонился и помог Ван Чуну подняться.

«Отец!»

У Ван Жун Шуан расширились глаза. Она уставилась на старого мастера, помогающего Ван Чуну, и не могла поверить в то, что видела.

Старый мастер все еще был одним из самых влиятельных чиновников в стране, возвышенным существом.

С юности Ван Жун Шуан никогда не видела никого, кто получил бы такое обращение от своего отца, и это включало ее саму, ее трех братьев и сестер.

Ван Жун Шуан не могла понять, почему ее отец так высоко оценил Ван Чуна, когда все, что он сделал, это подарил ему меч.

«Этот парень ...»

Ван Жу Шуан смотрела на Ван Чуна, и в этот раз она была в шоке. Как дама, она не разбиралась в политике, но Ван Жу Шуан знала, что Ван Чун сделал что-то невероятное.

Ли Линь, стоящий рядом с ней, тоже был ошеломлен.

Он лично был свидетелем выступления Ван Чуна, и его начальник Чжао Фэнчэнь очень нахваливал его. Однако положение Чжао Фэнчэна и старого мастера были далеки друг от друга.

«Слова Чун-эра, должно быть, дошли до сердца старого мастера...»

Проговорил Ли Линь с задумчивым взглядом. Его мнение о Ван Чуне снова обновилось.

С другой стороны, старшая теть Ван Чуна, Син Юань Чунь, была совершенно отличной от этих двух. Увидев старого мастера, лично помогавшего Ван Чуну, ее цвет лица стал чрезвычайно ужасным.

Что касалось старой леди, сидевшей рядом со старым мастером, хотя она нахмурилась, услышав, что Ван Чун намеревался подарить меч во время такого торжественного случая, она не могла не улыбнуться в этот момент.

«Ура! Ура! Ура!»

Маленькая сестра Семьи Ван не знала, что происходит, и она тоже не понимала, что сказал Ван Чун. Однако, увидев, что дедушка, бабушка и все счастливы, она подняла ладони и громко зааплодировала.

Эта суровая атмосфера мгновение назад испугала ее, и она вообще не решалась двигаться.

«Этот ребенок».

Мать Ван Чуна в восторге потеряла глаза. Случившееся только что привело ее в панику до такой степени, что слезы собирались капать с ее глаз.

«Подходи! Чун-эр, стань рядом с твоим старшим дядей, вместе с дедом».

Сказал старик, после слов Ван Чуна.

«Шу Хуа, ты тоже должна войти в ряд».

«Да, тесть».

Мать Ван Чуна была взволнована, обрадовалась и гордилась. Каждый раз, когда дело доходило до дня рождения своего тестя, она всегда боялась, что она может совершить какие-нибудь ошибки.

С тех пор, как она вошла в Клан Ван, это был первый раз, когда старый мастер так высоко относился к ней, даже назвав ее по имени.

«Дедушка, я думаю, что я стану рядом с матерью».

Сказал Ван Чун, глядя на свою мать.

«Хе-хе, будь по-твоему».

Старый мастер был ошеломлен, но не остановил его. Сыновнее благочестие стояло на вершине всех норм поведения. Вместо того чтобы критиковать действия Ван Чуна, он чувствовал себя беззаботным.

«Люди, помогите мне сохранить этот меч. Заботливо поместите его в самое высокое место моего рабочего кабинета».

Приказал старый мастер и подозвал охранников Императорской армии.

Его лицо жизнерадостно светилось, и по сравнению прошлым он явно был в отличном настроении.

Учитывая, что потомки Клана Ван были собраны вместе, а старый мастер был в отличном настроении, толпа начала говорить о случайных делах в клане. Даже сдержанная старушка из-за этого дружески общалась с другими.

Это был главным образом обмен между старейшинами Клана, а другие, кроме Кузена Ван Ли, который мог время от времени высказываться, из третьего поколения, Ван Чун, Ван Лян и Ван Чжу Янь, могли только стоять послушно рядом.

«Ты невероятный!»

Скучающий в стороне кузен Ван Лян взглянул на Ван Чуна и поднял большие пальцы вверх. Ван Чун засмеялся и указал на него.

«Как оно? Может выйдем и поиграем?»

«Я пасс».

Ван Чун тайно показал руками.

«Подышим свежим воздухом?»

«Тоже пасс».

Ван Чун покачал головой. Раньше он и Ван Лян не могли выдержать такого скучного сбора. Таким образом, всякий раз, когда Кузен Ван Лян уходил, он приглашал Ван Чуна.

Однако, прожив две жизни, разум Ван Чуна уже созрел.

Для Ван Чуна даже простая семейная встреча была для большим блаженством.

Только после потери можно понять сожаление.

Только после возвращения он будет учиться лелеять.

Видя, что Ван Чун проигнорировал его, Ван Лян быстро потерял интерес и отвернулся. Ван Чун усмехнулся, он мог догадаться, что будет дальше.

«Ах! У меня болит живот! Дедушка, бабушка, я выйду первым!»

Он заорал, схватившись за живот. Прежде чем кто-то мог кто-либо сказать, он уже выбежал.

Услышав его слова, болтовня в зале резко остановилась. Старый мастер и старушка незаметно

покачали головами, но не остановили его.

С другой стороны, лицо Ван Жу Шуан ужесточилось.

Дядя Ли Линь тоже беспомощно покачал головой.

П.п. с кит.: в эту эпоху, как и говорилось ранее, женщинам не разрешалось участвовать в политике.

<http://tl.rulate.ru/book/3937/153936>